

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОМАН

МАКСИМ
ШИШОВ

Максим Шишов
Литературный роман

«Издательские решения»

Шишов М.

Литературный роман / М. Шишов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832416-1

О чем этот роман? Кто-то скажет: «О творчестве». Другой возразит: «О психологии». Третий не согласится: «О несбыточных мечтах». Не сойдутся они и в том, на самом деле случилась эта история или привиделась в больном воображении. Вам предстоит решить это самому.

ISBN 978-5-44-832416-1

© Шишов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
10.11.07	15
15.10.07	16
22.09.07	17
12.09.07	18
05.09.07	19
30.08.07	20
26.08.07	21
22.08.07	22
08.08.07	23
27.07.07	24
23.07.07	25
19.07.07	26
16.07.07	27
19.06.07	28
11.06.07	29
29.05.07	30
09.05.07	31
30.04.07	32
05.04.07	33
03.03.07	34
28.02.07	35
03.01.07	36
10.12.06	37
14.11.06	38
22.10.06	39
10.09.06	40
17.08.06	41
12.08.06	42
10.08.06	43
24.07.06	44
20.07.06	45
15.06.06	46
Глава 4	47
Глава 5	52
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Литературный роман

Максим Шишов

*Посвящается Ирине Романюк,
моей печальной музе.*

- © Максим Шишов, 2016
- © Павел Бармин, дизайн обложки, 2016
- © Павел Фролов, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2416-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Нет, откуда все-таки такая фамилия? Пушкин! Что за фамилия, а? – Агамалеев ударил рукой по газете, отчего та сломалась пополам. – Выдумал ты ее, что ли?

Ингигов, веселясь, тыкал вилкой в ускользящий гриб:

– Фамилия, между прочим, знаменитая, дворянская, но мало ли знаменитых фамилий?

Тут в другом дело...

– Ну? – оживился ближайший ко мне край стола.

– Дело в том, что светлая Александровская эпоха просто не могла закончиться Жуковским. Должен был прийти поэт великий, легкий, безмятежный, влюбленный в свободу, но при этом вкусивший горечь разочарования, а потому мудрый. Он не был озлоблен, как Лермонтов. Он не писал кровью стихов на кладбище, и его не манил лунный свет. Он был светлым поэтом. Солнечным поэтом.

– И к чему...

– Так вот, – сказал Ингигов значительно, – аккурат на переломе века жил поэт Василий Львович Пушкин. Знаете такого?

Головы недоуменно замотались.

Официант, ввернувшись откуда-то сбоку, наполнил рюмки.

– Да, поэт малоизвестный, выпустивший книжку сатирических стишков, ходивших по салонам, но балагур, отставной гвардии поручик, человек блестящий, баловень судьбы – словом, прекрасный образчик своего времени. Стихи обожал до одурения. Князь Вяземский, застав как-то Василия Львовича в творческом экстазе, описал Тургеневу эту сцену так: «Все в нем онемает: только течет по подбородку радостная слюна».

И, сказав это, словно все объяснил, Ингигов поднял рюмку. Блеснула запонка. Встречное движение шатнулось по столу. Выпили. Закусили. Ушел с вилки ингиговский гриб.

– Но твоего Пушкина звать как будто Александр Сергеевич?

Ингигов, жуя, коротко кивнул.

– Племянник.

– Племянник?

– У Василия Львовича просто обязан был быть племянник. Смышленный парнишка, юность которого совпала с правлением Александра I. Тут все, как нарочно, сошлось: открыли Царскосельский лицей, Наполеон будоражил умы, дядя со своими стихами... Блестящие возможности – не хочешь, а станешь поэтом.

– Ну, ты даешь, Сашка, ну, фантазия у человека! Ловко ты нас за нос водил! – Агамалеев огляделся как-то испуганно. – За тебя пью, за твой успех пью!

Рюмки слетелись. Водка неожиданно показалась горькой. Ткнул вилкой наугад, и неудачно – вилка выскользнула из руки. И тут же вновь возникла передо мной с огурцом – официант, материализовавшийся неизвестно откуда, каким-то чудом проделал этот фокус, успев попутно наполнить рюмки.

Ингигов тем временем говорил:

– Своим «Онегиным» я обязан прежде всего тебе, Юра...

Раскрасневшийся Агамалеев смущенно отнекивался.

– Помнишь наш спор? Ну же, он достоин бессмертия...

Но тут закружились вдруг над столом тарелки – горы ажурной зелени, источающие влекущий аромат жаркого. Стало уютнее, благодуще, оживленнее. Заколдованные рюмки вновь оказались полными. Сквозь стук ножей Ингигов говорил что-то про Жоржика Иванова:

– ...Его стихотворение, не помню точно, но что-то вроде:

*«Встаем-ложимся, щеки бреем,
Гуляем или пьем-едим,
О прошлом-будущем жалеем
Или о нынешнем грустим».*

И знаете, в чем была суть нашего исторического спора? – Ингиров обвел всех блестящими глазами. – Каким размером это написано! – и, словно колокол, дрогнул: – Я-я-м-м-бом!

Сквозь обвалившийся хохот Коровкин тоненько выкрикнул:

– Ябмой, – умножая общее веселье.

Красный Агамалеев улыбался прилипшей улыбкой.

– Именно так, а Юра настаивал, что это хорей, и притом пятистопный.

– За это бы выпить, – выплыл откуда-то бас.

– Выпьем обязательно, ведь если бы не этот спор, романа бы не было. Да, да, да! Спор породил эпиграмму, а из нее вывелся роман.

– И что же за эпиграмма? – высунулся вопрос откуда-то с дальней части стола.

– Юра?

Но Агамалеев то ли не услышал, то ли сделал вид, что не слышит, и тогда Ингиров, склонив голову с безупречным пробормом, продекламировал сам:

*– Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.*

Накативший хохот сбил фразе хвост.

«Врешь ведь, – думал я, – наверняка врешь, но так убедительно».

Потом выпивали. Говорили тосты. Поздравляли Ингирова.

Заполнялись пустовавшие еще столы. В полумраке плавали официанты. Иногда им становилось скучно, и они начинали подбрасывать и крутить бутылки, и сердце делало перебой, но все обходилось благополучно. Мы сидели на втором этаже, и рядом со мной вниз уходил колодец. Повернувшись, я мог видеть, что на дне его танцуют люди, а сбоку светится небольшая сцена. Там пела женщина с огненной копной волос, временами ее сменял парень с гитарой. Иногда люди покидали дно колодца и выходили танцевать к самой сцене.

Литераторы не танцевали.

Разговор толокся вокруг романа, но как-то тише. Налегали в основном на еду. Много выпивали.

На дальнем конце стола, где сидели незнакомые мне люди, заспорили о чем-то своем и кто-то возмущенно вскричал:

– Да какое там, Вася! Ты гораздо талантливее Мандельштама!

Ингиров с любопытством покосился на вскричавшего.

А потом провалилось время. Я очнулся. Ингиров куда-то исчез. Новые блюда вертелись над столом. Передо мной лежала роскошная рыба с лимоновым полипом на боку, явно вкусная, но уже лишняя. Принесли еще водки.

Я встал возле перил и стал смотреть вниз, на площадку. Там в полумраке двигались медленно пары, музыка покачивалась, поднималась нежно и томительно скрипка, всплескивали ударные и сильный голос принимался выкликать – «файт, беби, файт». Свет начал вспыхивать и гаснуть в такт голосу. Я видел теперь все кусками: то неловкую пару с самого края, то чье-то запрокинутое лицо, то девушку, выбрасывающую вверх руку, как вдруг увидел Ингирова. Руки его скользили по женской спине, крутили и поворачивали ее. Я видел, как вспыхивают

золотистые волосы его партнерши, как прижимается она к Ингирову и отступает назад. Они следовали музыке безупречно, и руки его словно лепили ее движения. Белая рубашка и черное платье. Он посмотрел наверх, и я отвел глаза. Не знаю, видел ли он меня, я надеялся, что нет. Неожиданно захотелось выпить.

Я вернулся на свое место. Атмосфера за столом изменилась. Подливая в водку сок, я смотрел, как завладевший газетой Корниловский вкрадчиво допытывается у Коровкина:

– Но согласись, ведь Пиоровская правильно пишет... где же... А вот: «Безусловно, перед нами одна из самых великолепных стилизаций»... Так-так, не то... вот: «Но стилизация эта чисто внешняя. Увлечшись описанием а la салон Анны Павловны Шерер, автор уж слишком выдает себя. Так бытописать современник Жуковского просто не мог. То, что автору кажется необычным и достойным упоминания, было самым обыкновенным атрибутом того времени. Понятно, что заставляет господина Пушкина вставлять в роман слова вроде: «брегет», «боливар» и «Страсбурга пирог нетленный», – для его уха они звучат непривычно. Сомнительно, однако, чтобы человек начала девятнадцатого века рассуждал так же. Автор напоминает гида, которому не терпится ознакомить путешественника со всеми достопримечательностями любимой эпохи. Он не упускает даже таких подробностей, как воцаной столик:

*«Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят воцаной
Кувшин с брусничною водой и т. д.».*

Он нахваливает Бордо и Аи с таким усердием, что глаза невольно отыскивают примечание – на правах рекламы». – Так, так и вот еще: – «Размах авторского присутствия также настораживает. Слишком уж по-свойски относится автор к читателю, в этом панибратстве есть что-то от Зоценко. В начале девятнадцатого века это было невозможно».

Корниловский, усмехаясь, выплыл из газеты:

– С этим-то не поспоришь. Ничего подобно в то время просто не было, чтобы и про ножи, и про ручки, и со всеми на короткой ноге. Слишком уж лихо вышло.

Внезапно появившийся Ингиров услышал его слова.

– И что не по душе уважаемой публике?

– Да вот, – Корниловский немного смутился, – статью Пиоровской обсуждаем. Ты же читал? Твой роман производит слишком современное и даже нахальное впечатление.

Ингиров лениво отмахнулся и вытер платком лоб:

– Критики, критики... Все бы им критиковать. Почитали бы лучше стихи, что ходили в списках. «Опасного соседа» почитали. Мой роман – безобиднейшая, в сущности, вещь.

– И все-таки, – Корниловский начал ковыряться в рыбе, – разве по существу она не права?

– Хм, а почему же ты еще недавно пытался приписать авторство Жуковскому и излишняя резвость тебя нисколько не настораживала?

– Потому что не догадался приписать его тебе, – сухо ответил занятый выуживанием костей Корниловский.

Ингиров иронично наклонил голову.

– Но теперь многое по-другому воспринимается. Примечания к «Онегину», например, тебя выдают, – не поднимая от тарелки головы, продолжал Корниловский. – Очень по-набоковски вышло. Грубоватый прием, по-моему.

– А, по-моему, хороший роман, – сказал простой Агамалеев.

– Тут ведь не в этом дело, – впелся Коровкин. – Максим не говорит, что роман плохой, он говорит, что не похоже, будто роман написан тогда... – Он протяжно повел рукой.

Корниловский буркнул что-то неопределенное, что Коровкин воспринял как поощрение:

– Если Саша хотел, чтобы было похоже на девятнадцатый век, – затянул он снова, но густой бас затопил его голос:

– Да похоже, похоже – стихи такие же кудрявые. Салоны, дубровы, аполлоны. Одно слово – «стыризация».

Кто-то хохотнул.

– Ну, зачем ты так? – прошептал еле слышно Коровкин.

– Не люблю постмодернизм, – невидимый мною бас зазвучал почему-то обиженно.

– Забавно, что для того, чтобы выяснить, что роман никому не нравится, его потребовалось опубликовать, – сказал неожиданно ясно Ингиров.

– Ну вот, ты обиделся, – сморщившись, проговорил Корниловский.

Ингиров улыбался.

– Я не обязан хвалить твой роман, – Корниловский пытался оставить рыбью кость на краю тарелки, но она плотно приклеилась к пальцу, отчего его брезгливые попытки становились все более нетерпеливыми. – Как стилизация он не удался, и я сказал уже почему. А на вещь самостоятельную, прости, он не тянет. Написать такое двести лет назад было бы фантастически круто, но сейчас... – Он сморщился. – Это все равно что «Чайльд-Гарольда» заново сочинить. Несерьезно. Одно достоинство – стихи гладкие.

Красный Коровкин старательно косился в колодец.

Над столом уже не звенели, голоса колыхались как будто издалека, и издалека же накачивало волнами:

*«А у реки, а у реки, а у реки...
Гуляют девки, гуляют мужики.
А у реки, а-а, а у реки...»*

Ингировские волчьи глаза горели над столом.

«Да, тебе сейчас непросто, – думал я, незаметно вглядываясь в Ингирова. – А чего ты хотел? Здесь же нет человека, который не завидовал бы тебе. Может, только Агамалеев, которого ты высмеял, который и не литератор вовсе, а рекламщик. Твой роман для всех как страшный сон. Его печатают, его продают, о нем пишут. Да что там продают и пишут! Шумиха на всю Россию поднялась! Никому не ведомый автор из никому неизвестного Хабаровска взял и отколол штуку – роман, и в стихах. Александр Сергеевич Пушкин! Любите и жалуйте! Поэт, которого никогда не было и быть не могло. Господи, да я сам столько лет бился над тем, как оживить эти треклятые слова, как вдохнуть в них жизнь, как научиться писать так, чтобы шло от сердца, чтобы читали, не отрывались, чтобы вышло настоящее, а не вымученная подделка. Господи, ведь надо было написать так, как до меня никто не писал, чтобы ни на кого не похоже, чтобы все было свое – новое, истинное, влекущее. И вот пока я бился над этой загадкой, пришел ты, потыкал пальцем – бордо, сыр лимбургский, roast beef окровавленный – слова завертелись, и составил роман. Чего проще! Чего проще, сукин ты сын!»

А скандал тем временем нарастал.

– Постмодернизм, – кричал пьяный Котов. – Весь твой роман пропитан постмодернизмом. К чему это? К чему эти... эти стишки? Прав, прав ты, Максим, – Корниловскому, – форма тогда начинает преобладать, когда сказать нечего! Красиво, газеты хвалят, а содержание – тьфу... Ни о чем! Потешить себя и публику – глядите, как ловко я все обыгрываю...

Ингиров молча улыбался.

«Ну, давай же! Маски сорваны. Или ты специально затеял это? Специально пригласил всех, напоил водкой, чтобы прорвало всех, чтобы уже ясно стало – ты на одном берегу, мы на другом и между нами пропасть? Ты вполне мог устроить это, ты хитер, демон, хитер и наблюдатель, и тебе интересно, что за люди окружают тебя. Но от меня ты ничего не добьешься.

Твой роман хорош, он ослепительно хорош. Ничего равного ему просто не существует, но я тебя ненавижу. Ты стал моим наваждением, но будь я проклят, если выдам это. А рыба, что ты заказал, необыкновенно вкусна».

Я думал так, думал несвязно. Мешал водку и сок. Видел, как восстают на Ингилова все новые и новые враги. Видел, как Агамалеев пытается всех примирить. Как наполняют рюмки равнодушные к шуму официанты. Как бледнеет и сжимается в кресле Ингилов – злой, заострившийся, но несломленный. И представлял себя – тоже злого, но со злостью скрытой и ненавидящей, тоже сжавшегося в кресле огромным пауком.

«Мы с тобой, только мы с тобой, – стучало в голове. – Ты химера, порождение моей больной фантазии, ты не существуешь даже. Пушкин! Пушкин! Пушкин! Что за идиотская фамилия! Вздор!»

Плавали бесшумные официанты.

Два паука притаились друг против друга в креслах.

Глава 2

Пока я добрался до дому, разгоряченность схлынула. Тоска и опустошенность заняли ее место. Медленно поднялся по лестнице. Черные, будто гудроном смазанные двери, отражали свет. Я долго не мог попасть ключом в скважину.

За последний год в моей жизни произошло столько странных и необъяснимых событий. Почему же я думаю о том, что ждет меня за этой дверью все та же сыроватая комната с пятном на потолке, буровато-зеленые обои с розовыми прожилками и оставшаяся с утра в раковине посуда? Хотя грязная посуда сама по себе способна наводить тоску.

Хотел лечь спать, но понимал, что не усну. Ходил, пил чай, смотрел, как мотается в кружке огненный волос лампы. Смотрел на заснеженную крышу гаража, на черное небо и развесистый фонарь за окном.

Не доверяйте вечным мыслям!

Не доверяйте идеалам!

Ни к чему хорошему это не приводит.

Я книжный человек. Я люблю книги, я связал с ними свою жизнь, и, похоже, зря, хотя они подарили мне много приятных минут.

Я влюбился в книги еще в детстве.

Воспоминания о некоторых из них и сейчас вызывают смутный трепет, хотя я почти ничего не помню и подозреваю даже, что это вовсе не воспоминания, а какие-то сгустки эмоций по странной прихоти, прилепившиеся к памяти. Есть или нет в «Алисе» эпизод, где в самом конце она выходит на поле и встречается с королевой? Он залит у меня каким-то неистовым солнцем и радостью, в нем много неба, зелени, в нем окончание трудного пути и достижение желанной цели, но есть ли это все в настоящей «Алисе»? Или вот отрывок, даже не отрывок, так, неясная картинка, – Мио и его друг идут через поле или болото во мрак, где высится замок зловещего Като. Есть ли эта сцена в настоящей книге? Выдумал ли я это болото и эту ночь, беспросветную и бесконечную, и ночной воздух, стонущий от предчувствия и отчаянья?

Я так мало помню, но помню, что с ранних лет отдавал предпочтение выдуманному историческим. Что может быть интереснее, чем проживать чужие жизни? Что может будоражить сильнее? Все, что я видел вокруг, было таким обычным. Все тот же двор и вечный подорожник, прилепанный на тропинке, все та же береза у скамейки, все та же черемуха. Я просыпался, шел в школу, шел домой, делал уроки, гулял во дворе – это повторялось изо дня в день, и в этом не было никакой романтики. А в книгах ветер выдувал паруса, книги дышали соленым бризом, пороховой дым затягивал их страницы – и все, все в них было настоящим. Я жил каждой из этих книг. Падал в колодец с Алисой, прятался с Мио в замке, крался с Джимом Хокинсом к захваченной пиратами шхуне. И было так интересно жить чужими судьбами. Более настоящими, чем моя. Более осмысленными, чем моя. Более увлекательными, чем моя. И быть уверенным, что и завтра, и через месяц, и через год это все никуда не исчезнет, и оставлять небрежно закладку на середине главы так, словно и у меня впереди была целая вечность.

Книги притягивали неотвратимо, и вот, балуясь, я начал писать. Подражал поэтам, сочинял истории, выдумывал героев и собственную жизнь. Словом, я увлекся сочинительством. И что же?

Довольно быстро я решил, что я гений. В этом нет ничего удивительного, к тому же это очень удобно. Что может сравниться с тем божественным чувством свободы, когда слова текут легко и вдохновенно, когда связываешь и развязываешь человеческие судьбы, когда от движения твоей мысли зависит участь целых народов?

Я помню, как просиживал ночи на кухне, сочиняя какую-нибудь историю. И вот написана глава, но, как в груженом составе вагоны не успокаиваются сразу, а, прокатившись немного,

вздрагивают – натягиваются автосцепки, и скрытое напряжение долго гуляет со стоном и скрипом, так и слова не хотели никак успокаиваться, и стоило взгляду зацепить их – звучали каждое на свой лад и требовали внимания. Нужно было время, чтобы ушел лишний звук, чтобы воображение не откликалось слишком пылко, но глаза продолжали обегать текст, в узоре предложений и перекличке слов стремясь отыскать незамеченный прежде изъян.

Игра эта мне нравилась. Вот, скажем, слово «сколько», и через строчку опять повторяется. Изгнать его или оставить? Читаешь быстро – спотыкаешься, летишь кувырком, и следующая фраза остается незамеченной. Читаешь медленно: сколько! сколько! – падает ударение, и выходит осколок, разбитый абзац окрашивается в бутылочный цвет.

Но так ненадежно это. Будет ли прок от моих бутылочных абзацев? Обратит ли кто внимание, ведь я сам (будем откровенны) заметил, перечитывая на десятый раз. А ведь «сколько» еще и скользкое слово. Поскользнется читатель да и расшибется на моих предложениях. Так, значит, выкинуть?

Или оставить?

Или выкинуть?

Эти волшебные сомнения, такие приятные, такие томительные и, в общем, безобидные. Эти грезы над пустым листом, эти мечты о собственной избранности. Ингиров, ты бы меня понял, хотя и улыбнулся бы моей наивности.

Когда схлынул первый восторг, оставив по себе несколько рассказов и тетрадь набросков, так и не ставших романом, оказалось, что писательство – изматывающее занятие. Мир вовсе не стремился воплощаться в слова и открывал свои тайны не вдруг. Одно время мне казалось, что ключ к этим тайнам лежит в сравнениях. Я был одержимым сравнениями: роса напоминала мне бриллианты, озерная гладь – зеркало, луна... луна, наверное, тоже что-нибудь напоминала. И странное дело. Казалось бы, сравнения должны быть успешны, когда мы отыскиваем вещи, друг на друга похожие. Но нет! Велосипед похож на самокат, да и ручка на карандаш похожа, только литературы из этого не получится.

Но вот я ехал в автобусе и видел – строится церковь. Белое, задернутое лесами тело, из которого торчала башня с пронзительным желтым куполом. Торчала словно шея цыпленка. Что общего между церковью и цыпленком? Но эта тощая башня-шея, этот задранный купол-клюв, это неопрятное белое строение, так похожее на яйцо, невольно выдавали тщательно оберегаемую тайну. Мурашки бежали по коже от осознания, что церковь вовсе не церковь, похожая на цыпленка, она и есть цыпленок: неопрятный, грязный, голодный, запрокинувший к небу свой золоченый рот. Подсмотренная тайна наполняла сердце пьянящей радостью и одновременно предчувствием отмщения, словно я угадал то, что угадывать было нельзя.

Но прозрения, подобные этому, были редки. В большинстве своем слова давали лишь приближение к тому, о чем хотелось сказать. Бестолковая их толпа заполняла лист, но чем дальше, тем очевиднее становилось, что они неспособны передать то, для чего призваны.

Это огорчало, но тем внимательнее я вчитывался в любимые книги. Как удалось Толстому или Чехову подобрать верные слова? Как удалось им сделать так, чтобы я переживал за героев, чтобы думал о них снова и снова, чтобы предпочел их живым людям? Как удалось им сотворить мир более правдоподобный, чем тот, что окружал меня? Их магия была исключительна, и способы, которыми они добивались этого, стали пристальным объектом моего внимания. Им было дано самые незначительные события превращать в нечто ценное. В самых глупых и пошлых людях открывалась если не красота, то какая-то законченность. Существование обретало смысл и глубину. Пьянчужка реальный вызывал у меня отвращение, но стоило Булгакову или Достоевскому заманить его в свой роман, все волшебным образом преображалось. Случайная судьба оказывалась в центре мироздания. Словно лупой выхваченный из сонма людей, он предстал перед нами с рюмкой, вечной испариной, раскрасневшийся и жизнерадостный,

и без него пустой казалась бы страница – он был необходим книге, как необходима Парижу Эйфелева башня, как немислимы фисташки без пива.

В словах таилось невероятное могущество – пойманные в их сеть, целые миры приобщались к вечности, и люди, которым дана была власть над словами, в моих глазах были сродни богам. Я чувствовал, что принадлежу к ним, чувствовал свою избранность. Мне, как и им, удавалось угадывать тайны этого мира и воплощать их на бумаге, и эти находки не были случайными. Я знал, что когда-нибудь напишу великую книгу. Это поддерживало меня, когда становилось совсем трудно.

Конечно, иногда я утрачивал эту веру. Иногда мне казалось, что мои потуги прибьются к великим жалки, и дело было не в том, что я не талантлив, а в том, что фантазия давала слишком много возможностей и я не знал, на чем остановиться. Герои могли поступать так и этак, описание можно было дать от первого, а можно и от третьего лица, десятки различных планов и развязок возникали в голове, и все они могли быть по-разному воплощены. Я терялся в этом изобилии, не зная, что выбрать, не зная толком, что именно хочу сказать.

Хуже того. Меня не оставляло подозрение, что все уже написано, что я заимствую то у одного, то у другого писателя. Пишу фразу, а в голове: «Что-то подобное было у Набокова». И ладно бы знать точно – что. А то интонация, видите ли, схожая померещилась. И хотя можно было писать настолько бесцветно и невыразительно, чтобы не мерещилось уже ничего, но хотелось-то совсем не этого. Хотелось своеобразия, оригинальности, узнавания. Хотелось создать собственный стиль, яркий и самобытный, не меньше. Иногда мне казалось, что я близок к этому, но, перечитывая свои тексты, я видел, что стиль мой неустойчив и подвластен влиянию, что любимые авторы улыбаются мне с моих же страниц, и это было мучительно.

Я искал способы отличаться от всех, старался даже не читать никого – только бы сохранить свою писательскую девственность. Но увы! Результатов это не принесло или, вернее, принесло совсем не те результаты. Любое предложение подвергалось тщательнейшей оценке, пересматривалось помногу раз, дабы не стыдно было представить его на суд вечности. Следствием же стало, что я без конца перечитывал написанное. А надо ли говорить, что самый оригинальный и удачный текст покажется бездарным и затасканным, если без конца его мусолить. Мой же далеко не всегда был оригинальным и удачным.

И все-таки даже в такие безысходные моменты я говорил себе, что это временное, что, пусть не сейчас, я непременно добьюсь своего и напишу необыкновенную книгу. Я найду свою тему и своих героев, и мрак отступал.

Просто мне нужно было время.

Чтобы осмыслить.

Чтобы найти.

Чтобы выразить.

Чтобы кристаллизовался опыт, и роман засиял драгоценными искрами.

Точнее, так я думал до сегодняшнего дня.

И снова поплыли перед глазами официанты, литераторы, прыгающий кадык Коровкина.

Эх, Ингиров, Ингиров...

Ты сделал такую простую вещь. Ты описал мир так, словно увидел его впервые. Ты не пытался казаться сложным и всезнающим и непохожим на всех, ты делился с читателями и сомнениями, и воспоминаниями, ты хандрил и веселился, не страшась, что о тебе подумают, и какой поразительный результат – ты кажешься и умным, и легким, и необычным одновременно. Как тебе это удалось? Как удалось тебе то, к чему всегда стремился я?

Я подошел к окну. За окнами крошился с неба маленький-меленький снег. Пуста была улица, пуста была автобусная остановка.

Наклонил заварник. Свернутая струйка зазмеилась в кружку – кончился чай.

Зачем я вообще пошел на этот вечер? Что хотел увидеть?

Я посмотрел на свои руки – они легонько дрожали.

И вспомнилось снова: кухня на родительской квартире, капает кран, часы на полке, и вспомнилось с такой ясностью, что показалось, будто из-под стола выйдет сейчас кошка и посмотрит на меня внимательно, как умеют смотреть только кошки.

Но кошка, разумеется, не вышла.

Кошка умерла пять лет назад.

Через минуту я доставал из ящика тетради. В голове стояла водочная мягкая стена, был поздний час, но я уже листал страницы. Это был дневник, который я забросил больше года назад. Открыл с конца.

Глава 3

10.11.07

Удалось разжиться недорогими ботинками. Самое время, на улице уже холодно. Кроме того, я простыл.

15.10.07

Давно не писал, событий же за это время произошло немало.

Во-первых, устроился менеджером в психологическую консультацию. По крайней мере, это лучше, чем быть охранником. И люди приятнее, и платят опять же больше, хотя все равно мало. Интересно наблюдать за посетителями. Многие, особенно те, кто приходят впервые, нервничают, стараются это скрыть и выглядят забавно.

Во-вторых, совершенно неожиданно напечатали мою рецензию. Уже не думал, что выйдет, хотя и тираж ничтожный, и никто не прочитает (какой большой читает университетские сборники?), но все равно приятно.

Осень стоит необычайно теплая.

22.09.07

Сентябрь провожу в гостях. Все вернулись из отпусков: полные впечатлений, покрытые загаром, с кучей фотографий. Стараюсь запомнить побольше историй обо всех этих чудесных местах, чтобы потом врать, что это я там побывал:) Бали, Самоа, Париж, Вена. Санкт-Петербург бледно смотрится на таком фоне. Есть и отечественная экзотика: Камчатка, Байкал, Алтай. Ну и конечно, Китай. Хотя кого удивишь сейчас Китаем? А я и там не был.

Хруль выпустил книжку стихов. Сегодня встретил ее в магазине, по иронии судьбы в разделе «Краеведение». Наткнулся среди прочего на такое:

*«Мне кроссовки милее,
чем кожа от Гуччи,
И свет белизнее,
и вступенность круче».*

Пожалуй, не разойдется книжка.

12.09.07

Заходил Корниловский. Болтали, конечно, о литературе. Корниловский предрекает, что скоро смайлики и прочие финтифлюшки устойчиво перекочат в литературный текст, примерно как закадровые аплодисменты обосновались в сериалах. Должен же читатель понимать, когда автор шутит:)

05.09.07

Научился получать тихое удовольствие от своей работы. Картинки на экранах уже не кажутся хаотичными, и, когда человек исчезает на одной, я знаю, где он должен вскоре появиться. Картинки черно-белые, и все выглядит каким-то лунным пейзажем. Даже люди своими заторможенными движениями напоминают космонавтов. Ведут себя все по-разному. Есть такие, кто долго и внимательно изучает продукты и все, что на них написано, есть те, кто валит в корзину что попало. Кто-то облетает зал один раз, кто-то ходит от полки к полке, возвращается, кладет продукты в корзину, потом ставит обратно.

Вчера рядом с закутком, где я сижу, устроили рекламную кампанию. «Пробуйте продукцию нашей фирмы. Дегустация бесплатно!» – надрывались весь день девушки в комбинезончиках. Домой пришел с больной головой.

30.08.07

Лето на излете.

В силу этих, а может, других причин я устроился на новую работу.

Теперь я охранник. Охраняю магазин, правда, довольно своеобразно – смотрю на монитор, где в девяти квадратиках двигаются черно-белые человеческие фигурки. Понять, чем они заняты, по-моему, невозможно, а значит, если кто-нибудь попробует что-либо украсть, я этого просто не замечу. А если замечу, то 1) пост покидать нельзя, 2) я единственный охранник. Старший менеджер на мои сомнения только загадочно улыбнулся и сказал, чтобы я не парился. А я парюсь.

26.08.07

С рекламщиками придется расстаться. Денег они платить не хотят, я же не хочу на них бесплатно работать. Просматриваю объявления в «Презенте», узнаю множество интересных вещей.

Вот, например, в какое-то муниципальное учреждение (аббревиатура на полстраницы) требуется главный бухгалтер с пятилетним стажем, со знанием английского! и международных стандартов бухгалтерского учета! Зарплату предлагают 15 тыс. Зачем английский? Зачем стандарты? И главное, какой идиот, зная английский и международные стандарты, согласится получать 15 тыс. рублей? Вообще, судя по газете, выгодно быть директором филиала, коммерческим директором и иногда главным бухгалтером, ибо зарплаты здесь от 60 тыс. рублей. Всем остальным повезло меньше. В целом, впечатление грустное. А еще этот дождь.

Что-то я разнылся.

Пойду спать.

22.08.07

Черти мои рекламщики! Сегодня был бой, и притом самый жесткий. Говорил с директором, сказал, что мне не нравятся разброд и шатания, еще меньше нравится, что не платят денег.

– А что говорит начальник отдела? – спрашивает тот.

– А давайте позовем да послушаем, – отвечаю.

Сергей Викторович, выдернутый, похоже, из-за пасьянса, очень удивился, но быстро оправился и начал жаловаться на трудные времена. Его послушаешь и невольно посочувствуешь. Оказывается, вся сложность в том, что нет заказов. А чтобы были заказы, надо привлекать клиентов, не срывать сроки, не давать обещаний, которые не можешь выполнить, – словом, надо еще и работать, а дело это абсолютно невозможное. Всю эту чушь он произносит с таким серьезным и чуть обиженным выражением лица, что невольно проникаешься участием. Проникаешься, если нет долгов на семь тысяч. Но у меня есть долги, вот меня и понесло.

Кончилось тем, что директор обещал принять меры. Дал Сергею Викторовичу взбучку, а потом и всему отделу. Чувства смешанные: вроде и добился, чего хотел, а все как-то коряво. Кроме того, не любит меня теперь Сергей Викторович.

Переживу ли?

08.08.07

Да что же у нас, что ни делается – все к лучшему! Сегодня, например, не выдали зарплату. Вообще, дела у нашей конторы плохи. Заказов мало, а те, что есть, мы с треском проваливаем. Причина? Все держалось на одном человеке, и, когда он переключился на другой бизнес, немедленно стало приходить в упадок. Если так пойдет дальше, придется, видимо, искать другую работу, а жаль – прикипел я уже к сочинению слоганов!

Роман не писал почти месяц. Надо с этим что-то немедленно делать!

27.07.07

Литературные вечера у Дорошевича ужасны! Сколько раз давал себе зарок не ходить и все равно шел, убедив себя, что на этот раз будет иначе. На этот раз все было иначе в том плане, что было особенно мерзко.

У Дорошевича есть нездоровое пристрастие к простым людям. У него читают сантехники, слесари и грузчики. Дорошевич верит, что их жизненный опыт несоизмерим с опытом нормального человека, и заискивает перед ними.

С горя купил бутылку вина. Это глупый поступок, денег лишних нет, но надо было привести нервы в порядок.

23.07.07

Переезд окончен! Вещей у меня мало, главная обуза – книги. С ними-то я и намучился, распихивая их по сумкам, коробкам и чемоданам. А потом таская взад-вперед по лестницам.

Сегодня их разбирал. Шкафа книжного нет. В результате комната приобрела своеобразный вид – книжки везде: вдоль стен, на подоконнике, на столе и даже за диваном. Кто бы их еще читал...

Вечером, по случаю перемены места, были приглашены Дорошевич, Корниловский, Шевцов и Андрей. Сидели с пивом и закусками на полу. Тут же и курили. Очень мило, просто, по-студенчески, почти богемно. Разошлись часам к двум.

19.07.07

Осмотрел квартиру. Хорошая квартира. И самое главное, квартира, а не эта жуткая комната, откуда меня выселяют. Смущает, правда, то, что в ней сыровато, но да ничего.

Опять же, немного просят, хотя «немного» применительно к ценам на недвижимость – нонсенс. «Немного» означает немного по сравнению с другими, «немного» в смысле подъемно, вот что значит это «немного». Для меня же это означает половину зарплаты. Если же учесть, что на работе дела в последнее время идут неважно...

Гнилые это мысли! Гнать их прочь и паковать вещи!

16.07.07

Пытаюсь подобрать квартиру. Поставил на уши друзей и знакомых, но результатов пока ноль. Цены кусаются страшно. Откроешь газету – и уже нужен валидол.

И ведь строят, по всему городу что-то строят. Жизнь в Хабаровске вообще стала бешеная. Идет какое-то небывалое строительство. Растут дома один за одним. Открываются бизнес-центры, выкупаются квартиры под офисы. И вместе с тем цены невероятные и продолжают расти. Появляются вывески и тут же исчезают. Все хотят делать бизнес, и такое впечатление, что все делают. Шальные деньги гуляют по городу. Странно все это и вызывает ощущение ненадежности.

19.06.07

Время пропадает бездарно. Провожу дни в гостях, в результате роман почти не движется. Впрочем, плюсы тоже есть. Корниловский решил отпраздновать свои «Судные денечки» и заказал ресторан. Было много водки, чепухи и шампанского. Был Евгений Кац. Выглядел ужасно. Все сходятся на том, что человек он конченный. Приглашают из жалости. Все это мерзко.

Кончилось танцами до двух часов ночи. Оказывается, я здорово отстал от жизни – совсем не знаю песен. Что новое? Что старое? Черт его разберет. Зато танцуют по-прежнему, т. е. кто как умеет.

11.06.07

Похоже, рецензию уже не напечатают. Университету не до нее. Сейчас летняя сессия, потом отпуска, потом забудется. Ну и пусть. Рецензия все равно паршивая. Плохо то, что роман пишется медленнее, чем я рассчитывал.

Зато обильно пишутся рекламные слоганы. Раньше, слушая их по радио, задавался вопросом: «Какой идиот это сочиняет?» Теперь жизнь приоткрыла передо мной эту тайну.

29.05.07

Сегодня кончился свет. Он кончился везде – в люстре, холодильнике, часах на кухонной полке. Я лежу на полу рядом со свечкой. Она живет в круге собственной тени. Вытянулось пламя – мотнулась по полу тень. Чем меньше я занимаюсь романом, тем живописнее становится дневник. Привычка выразить то, что вижу, берет свое.

09.05.07

Студент наш куда-то пропал. День Победы мы отмечали вдвоем с Алексеем Ивановичем. До этого я знал о нем две вещи: он работает вахтером на «Дальэнергомаше», вернее том, что от него осталось, и, разбивая над сковородой яйцо, вытягивает губы трубочкой.

Теперь же выяснилось, что в советские времена Алексей Иванович был большой шишкой, возглавлял отдел разработок и одно время исполнял обязанности главного инженера завода. Он рассказал, между прочим, что завод этот производил совершенно изумительные детские коляски, которые тут же уходили на экспорт и к разработке которых он был причастен. Служил в юности на флоте, много ездил по стране, был два раза женат, сын у него в Москве, дочь в Новосибирске. Он ругал перестройку и хвалил персики, которые ел в Ташкенте.

Алексей Иванович – симпатичный человек. Но он разворачивает передо мной свою жизнь, и я чувствую тоску. То, что пленяло, радовало, печалило, – теперь свиток пыльных событий, какие есть у всех. Жены, дети, командировки... Я смотрю на его лошадиное лицо, и вдруг в стеклах его очков вспыхивают красные звездочки.

Это салют.

30.04.07

Пять дней назад я переехал. Новое мое пристанище представляет собой узкий гроб с высоким сводчатым потолком. Обои страшные. Мебель: перекошенный на правый бок диван, табурет, стол с тумбочкой без дверцы и книжный шкаф без книг.

Все бы ничего, но квартира трехкомнатная, а это значит, что нас в ней трое. Я квартиру с пожилым господином в очках и студентом неопределенной специальности. По утрам мы сложно вальсируем между ванной, туалетом и кухней и деликатно оттираем друг друга от плиты. В воздухе плотным туманом висят: «простите», «будьте любезны», «пожалуйста», «ах», «не беспокойтесь». Мы все очень вежливы, очень боимся друг друга потревожить и не смотрим друг другу в глаза, поскольку боимся увидеть там ту же нищету, одиночество и безнадежность.

05.04.07

Давно не брался за дневник. А жаль – событий произошло много. Я занимаюсь теперь рекламой, причем сразу в двух качествах. В первом качестве сижу за столом и, льстиво улыбаясь, объясняю клиенту, что лучшее, что он может сделать, – это заказать у нас полноцветную рекламную кампанию. С рекламой та же проблема, что и с футболом, – в ней разбираются абсолютно все, и клиент уходит, заказав один-единственный баннер. Второе качество – изобретатель рекламных слоганов. Мой талант нашел странное признание. Теперь по ночам я рифмую идиотские стишки да изобретаю слоганы. Скажем, для ОАО «РЖД» – «Из колеи не выскочит!», но нравится он, похоже, только мне.

03.03.07

По взглядам, которые бросает на меня хозяйка, понимаю, что скоро мне откажут от квартиры. Надо искать что-то другое, но цены!

Они растут, но инфляции, как водится, нет. Прошли слухи, что собираются реконструировать вокзальную площадь. Иначе пустить трамвай и построить фонтаны.

28.02.07

Совсем забросил дневник. Писать, впрочем, было особенно нечего. Роман ползет медленно. Все как будто не хватает чего-то. Пробираюсь как сквозь глубокий и липкий снег. Завтра весна. На душе муторно.

03.01.07

Прощаясь со старым годом, принято подводить итоги. Итоги таковы: один опубликованный рассказ, три написанных и неопубликованных, шесть недописанных да восемь страниц романа. Негусто.

Перед новым годом поспорил с хозяйкой. Она хочет поднять квартплату, я этого не хочу. Насилу убедил ее оставить пока прежнюю, но эта отсрочка месяца на три, а дальше мрак. Где взять денег? Этот вопрос преследует меня неотступно: где взять денег?

С такими мыслями трудно обрести спокойствие.

10.12.06

Неожиданно начал писать роман. Странное чувство, я думал никогда уже этого не будет.
Но посмотрим.

14.11.06

Осень. Все еще осень, а хочется зимы.

Заходил Корниловский, принес бутылку вина. Хорошо посидели, но он ушел, и сразу стало тоскливо. Частые смены настроения одолевают меня. От поганого к еще худшему.

22.10.06

Встретил на улице Корниловского. Был он весел и рассказал среди прочего, что Котеночкин задумал сочинить венок сонетов.

А получился веник.

Большой оригинал этот Котеночкин. Единственный румяный поэт в городе. Единственный, кто пишет слово «поэзия» с большой буквы. Единственный, кто бескорыстно хвалит чужие стихи.

10.09.06

Вчера случилось литературное побоище. Сошлись Поэт-Из-Владивостока и Арт Телемшеев. Ключевые слова: море-волны-паруса, блуза белая, грудь открытая; грудь открытая – перси томные; перси томные, босоногая, все по берегу чайкой брошенной. Этот владивостокский эротизм заканчивался перефразированным вступлением к «Анне Карениной», а надо знать задушевное отношение Арта Телемшеева к Толстому. Едва Поэт-Из-Владивостока договорил последние слова, вступил Арт Телемшеев:

– Что-то белое, жаркое металось как в бреду: «Ах, дурно делаю, скверно!», но, сама не подозревая, делала хорошо.

И поделом!

Перечитал, и грустно стало. Разучился я подбирать слова, и, что пишу, понятно только мне. Впрочем, никто, кроме меня, это не прочитает, ибо пустая трата времени – читать чужие дневники.

17.08.06

Все-таки Гете – самый переоцененный поэт. Его «Фауст» ужасен. Первая часть еще кое-как, и то только оттого, что по ней поставили оперу. Вторая – просто невнятная мешанина. Недаром половина переводов обрывается на первой.

12.08.06

Решил прочесть «Фауста». Третья попытка.

10.08.06

Я наконец дописал его. Ура!

24.07.06

Неужели я в отпуске? На улице жара, вечером обещают грозу. Рассказ пишется гораздо быстрее, чем я думал. Видимо, надо чаще брать отпуск.

20.07.06

Уже три дня пишу один забавный рассказ. Там Питер, книги и одно небольшое убийство.

15.06.06

Ох, уж мне эти литераторы. Ох, уж мне эта литература.
Не надо было столько пить.
Не надо.

Глава 4

Мы шли к Дорошевичу, у которого собирался литературный народ.

Было пасмурно. Утром прошел дождь, и лужи, следуя неизменной привычке начинать с крыш, выставили на продажу дома с тем особенным безразличием, которое возникает от длительного коммерческого неуспеха. Мы шли не торопясь, заходя во все книжные магазины, нигде ничего не покупая. Мимо парка, где катали на лошадях. Мимо площади и фонтана в газовой юбке, со свешивающейся набок струей. Почему-то хотелось спать.

Может быть, я просто нервничал.

Проезжая мимо, машины оставляли на асфальте рифленые следы.

Мне кажется теперь, что всю дорогу мы прошли молча, но такого просто не могло быть, а значит, мы говорили, и я даже, может быть, больше, чем следовало.

Пантограф трамвая, с того места, откуда он был виден, напоминал скелет, сцепивший руки над проводом. Было душно. Пахло чебуреками и землей. От башни с золотисто-коричневой чешуей на куполе мы повернули вниз.

Спустя полгода по этой же улице будет возвращаться герой так и не написанного мной романа. Всякий раз фонарь будет раскладывать его тень надвое: заднюю – маленькую и плотную, которая, нырнув под ногами, будет выскакивать спереди, удлиняться и бледнеть, пока не сольется с первой, зыбкой, почти невидимой. Они будут вертеться вокруг него как часовые стрелки. Я напишу об этом через два месяца, когда растает снег, по которому он шел, а тот, что останется, не будет перламутровым.

В лифте мы поднялись на шестой этаж.

Дверь отошла нам навстречу, открывая полумрак и висевшую в нем фигуру.

– Гена дома? – спросил Андрей. Слова заходили волнами, чуть-чуть рассеяли полумрак. Женщина в белой ночной рубашке не ответила. Темнота проглотила ее ноги, бока, лицо – последним исчез белый нимб, словно кто-то задул одуванчик.

Мы остались одни. Стало слышно, как плачет ребенок. На стене висела клеенка с утятами, на клеенке велосипед с одним колесом. Стояла сбоку стиральная машина, вроде бы ржавая, тазик с пачкой стирального порошка и щипцами. На вешалке с крюками висели пальто и тулуп, несколько курток горой были свалены на тумбу. Пахло чем-то сладковато-соленым.

Мы двинулись по невероятно длинному, забитому мебелью коридору. Вдоль мешков. Комода. Компьютера. С шапкой на мониторе. Вдоль трюмо с нашими двойниками. Мимо комнаты, где скрылась женщина, где плакал ребенок. Дальше в совершеннейший мрак. Коридор изгибался, отсвечивал латунными ручками. Ковер кончился. Под ногой оказалось что-то склизкое и мокрое, наверное половая тряпка. От неожиданности я налетел на Андрея, он делал что-то с мягкой темнотой, постукивал, шуршал, бубнил...

Сквозь напечатанную скобку потек мутный свет. Желтая скобка стала толще, превратилась в проем.

Забубнило громче и затихло. Горело шесть свечей. Над ними лицо, под ними листья. По краям комнаты угадывались люди.

– Идите сюда, – раздался голос. Мы пошли. Метнулись чьи-то ноги.

– Извините, – глухо сказал Андрей.

– Садитесь, – рука подпрыгнула, указывая вниз. Пустота обернулась креслами.

В наступившей тишине беззвучно скатилась парафиновая капля – свеча откладывала икру.

– ...И не было больше домов и улиц, мостов и вокзалов, – затянул новый голос. – Земля и небо исчезли. Не было ничего – огромное белое пространство растворило в себе Город. Оно

пеленало его, оно заботилось о нем, оно пело ему песни – странные колыбельные, которые невозможно было отличить, в которых не повторялся ни один звук. И Город слушал.

Сто лет он отвоевывал себе место. Осушал болота. Уводил под землю реки. Он выедал лес, и на месте леса вырастали дома. На карте было видно, как спокойное зеленое поле режет ломаная линия – граница Города. На карте она была по-прежнему. А в действительности нет.

Окна почти ослепли от снега. Ветер гнал его волнами: бросал вверх, вниз, выгибал стеной – деревья стонали от этих жестоких выходов. В первый день машины сражались со снегом. Бульдозеры наворотили целые горы. Самосвалы не успевали их вывозить. Ночью еще можно было видеть, как расплываются шарами фары, как несется к ним и сгорает искрами снег. Днем еще ездили грузовики. Но к вечеру движение прекратилось.

Двери подъездов приходилось держать открытыми. Снежные горбы, как собаки, ложились на порог. Каждые два часа их прогоняли. Но каждый раз они возвращались. И Город стал отступать.

Закрывались маленькие магазины. Люди не могли добраться до работы. Снег поднялся сначала на тридцать, потом на сорок, а потом на восемьдесят сантиметров. По улицам невозможно стало ходить. Невозможно было копать траншеи, снег был как живой – колючая взвесь между землей и небом, текучий, как песок...

Голос читал дальше, а пламя волновалось, не зная, видимо, как поступить. Стараясь успокоиться, оно шевелило чтецу брови. Это не помогало, и оно устроило безмолвное совещание, где каждый звук был предметом спора и тени то склонялись друг к другу, то отшатывались и не могли никак прийти к согласию. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, я мог разглядеть человека, обхватившего руками колено, почти невидимого. Девушку рядом с ним с волосами пронзительно-медного оттенка. Очки рядом с девушкой. Как стеклянные брови.

– Город стоял по колено в снегу. Но мог идти, куда хотел. Исчезли препятствия: реки, овраги, озера – все то, что не пускало его, сгинуло. Но, зачарованный, он стоял неподвижно, слушал странные песни, на которые только теперь обратил внимание. Они были похожи как две капли воды, они никогда не повторялись, их можно было слушать и слушать, но невозможно было запомнить. А услышав раз, хотелось, чтобы они звучали вечно.

Твердь исчезала – снег мело сверху, снег мело снизу. Город обращался в кокон, терял к окружающему всякий интерес. В редких окнах плавал слабый свет. Электричества не было. Там горели свечи. Там сбились люди. Там ходил по стенам страх. А в темных окнах не было страха. Там слушали песни. Глядели прозрачными глазами, в которых засел снежинкой Город. Не тот, который вырезал себя на карте, не тот, который зазывал туристов и торговал кока-колой под бело-красными зонтиками, теперь это был Город-призрак. С зыбкими домами, с неясными улицами – между тьмой и светом, между землей и небом, он был и не был, и был, и не был – пела вьюга.

Да пела ли? Или это только примерещилось? И никаких призраков не было?

Не было призраков, только ходили тени, только у девушки с медными волосами гнула в глазах оранжевая проволока.

Мы шли обратно. Глухое августовское небо, казалось, предвещало метель. Мокрые дома – темнее обычного. Мокрые улицы, на которых не оставалось следов от колес.

Но как удалось этому человеку заколдовать целый город? Сидел себе дома, забросив ногу на ногу, покачивал дырявым тапком, лепил слово к слову. Одно за другим. Как машина сосисочную гирлянду. Надоедало. Выходил на балкон, закуривал сигарету. Сплювывал. Слепой ноготь припадал к тапочной дырке, слова брались за руки и бежали по страницам. Вот так, играясь, между сигареткой и чаем похоронил целый город.

Это был странный мир, мир хабаровской литературы, тоже ставший для меня призрачным. Иногда, впрочем, прогуливаясь недалеко от Амура, я чувствую тень его вторжения. Он словно сосуществует рядом с нашей действительностью, то и дело врывается в нее...

...Невнятное мерцание на излете сетчатки или долетевший звук обнаруживают его неявное присутствие.

И еще воспоминания.

За правдоподобность которых уже нельзя поручиться.

Я помню летнее открытое кафе напротив Дома быта (сейчас дом перестроили и кафе того нет и в помине). Помню густеющий вечерний воздух, липы, грохочущие мимо трамваи и разношерстную компанию за столиками. С пивом, фисташками, сигаретами...

*«Невское» пить как бордо,
Глотать фисташками устрицы...
Только оно запахло —
Жить как герои Кустирицы.*

И кажется, авторы этому – бессмертные основатели идфутуризма Женечка Савросин и Арт Телемшеев.

Здесь и произошло мое первое знакомство с миром хабаровской литературы, когда Андрей ввел меня в круг людей нервных и своеобразных. Слушая незнакомые имена, названия книг и эти кинжальные «вы читали? вы читали?», я испытал странное чувство, будто откуда-то с чердака достали пыльную шкатулку, открыли, а в ней миниатюрный Серебряный век – повернешь ключик, и Ахматова начнет читать стихи, и Гумилев схватится за игрушечную голову...

Да и было ли это все? Или это сон?

В «Гарцюющем Пегасе», так называлось между своими кафе, всегда было шумно. Бренькала гитара, колыхался сигаретный дым и стихи, гам и хохот царили вокруг. Ольга Петровна благоволила этому хаосу. Рядом с кассой лежала пачка бумаги и карандаши. Подвыпившие художники рисовали шаржи, подвыпившие поэты писали стихи. Под утро Ольга Петровна собирала разбросанные рисунки, разглаживала и вывешивала на стойке. Выкраденные у времени лица со следами меню сопровождали наши веселые попойки.

Бутылки с пивом батареями выстраивались на столах. Полз и складывался сигаретный дым. Стойка горела как корабль в ночи. Огни сверху. Огни снизу. Вставив в рот карандаш, сидел совершенно пьяный Кац – в стеклянных глазах колыхалось огненное море.

*«А вы знаете, ребята, что Малевича творенье
Провисело вверх ногами все двадцатое столетье?»*

Но в затылок дышали «Любители шнапса» и «Бабы обе» – дуэт Алисы Ремар и Анны Трубецкой (реминисценция хлебниковского «Бобэоби»). Поднимал голову Котов, и никому неизвестный еще Евгений Кузнецов дописывал «Опереточные ноктюрны». Через год к неудовольствию своего уже известного мужа неспешно вступит на олимп Катерина Кузнецова. Ее аukaющая поэзия будет долго полоскаться в альманахах:

*«Замирала тоска.
Упокоиться где бы?
Оступилась слегка,
Расплескала полнеба».*

Ей будут подражать, большей частью безуспешно.

Владимир Котеночкин – восторженный малый, всегда готовый читать стихи, свои ли, чужие – ему было неважно; и тех, и других у него было в досталь. Был он хорош собой, с пре-

красной выющейся шевелюрой, перстнем на пальце и жизнерадостным, никогда не покидающим щек румянцем.

Котеночкин был знаменит тем, что сам оформлял свои книжки. Он все делал сам. Вырезал что-то из цветной бумаги и клеил. Рисовал картинки. Писал от руки стихи. Почерк, кстати, был у него прекрасный, и книжки получались очень милыми, своей сорочьей пестротой напоминая бывшие девичьи альбомы. Но человек он был милый, простодушный, искренне считал себя философом и поэтом, и без него немислимы были наши гулянки.

Заглядывал под тент Хруль – таким же в точности он вышел на своей классической фотографии, открывающей знаменитый трехтомник. Меланхоличное лицо, клок шелковистых волос на лбу и неровный пароходный нос. Он появлялся в сумерках с одной из своих обожательниц. Никто не помнил их имен, да в этом не было необходимости, бессловесные весталки сменяли друг друга с ритуальной последовательностью. Они охраняли длиннокурого бога с золотым локоном, но смеркалось, бог обращался в тень – только кроссовки двумя сугробиками светились под столом. Автор строчки:

*«Мне в жизни немного осталось:
спасение, смерть и причастье», —*

не хотел выпускать славу, но она выкатилась из рук. Он хотел повеситься, но, написав об этом несколько стихотворений, тему исчерпал. Стал пить, называя почему-то водку абсентом. Это на него ходила эпитаграмма:

*«Водку путает с абсентом,
Бархат путает с брезентом».*

Или что-то в этом роде.

И стоял до утра бедлам. Мелькал фартук Любочки – неумолимой помощницы Ольги Петровны.

*«Ленточка в косе-е...
Кто не знает Любочку?
Любу знают все-е!»*

У стойки, сбоку от кассы...

– Мне тут удобно, да и светлее, не беспокойтесь, ради бога...

Изогнувшись вопросительным знаком, сжался Анатолий Резик. Он писал, писал всю ночь напролет. Ручка петляла, неслась зигзагами, проваливались строчки, взвивались вверх, хаос, хаос, хаос... И при этом ровные громадные поля. На одном женское лицо с отвалившимися губами. На другом рак с человеческими глазами.

– Господи, что за пакость вы рисуете? – Ольга Петровна морщится.

– Вам не нравится? – и упавшим голосом: – Так ведь одиноко ему там, на дне, плохо...

И плакать нельзя. Как в воде плакать?

– Кому плохо?

– Да вот же, Ракужнику.

Ракужник – странное слово.

И снова прерывистый шепот:

– А вы посмотрите, у него и хвостик как у ужа...

Взрыв хохота сминает фразу. Анатолий Васильевич втягивает голову в плечи:

– Ах, что это я. – Маленькая лапка царапает стойку.

Ракужник. Туман.

«А-я-яй, девочка, где взяла такие ножки?»

Где? Ну где?

На полу шуршали пакеты из-под чипсов и орешков. Жестяные внутренности отражали свет. И под гитару простуженный голос уводил в ночь уже пьяные слова.

Люба сбрасывала со столов скорлупу. Неулыбающийся Стогов на листке блокнота набрасывал шарж на Катю Кузнецову – римский профиль, задумчивый взгляд. Алиса Ремар и Анна Трубецкая, укутавшись одной шалью, передавали друг другу сигарету. В углу спал Котов.

Когда ночь приподнималась над городом и серый воздух начинал сочиться сквозь ограду, выступали дома, трамвайные рельсы, груды мусора на столах. Ненужный свет раздражал глаза. Было холодно. Резвым аллюром летел я к Амурскому бульвару, и вслед неслись неуместные слова:

*«На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера...»*

– Даже не знаю, почему я об этом заговорил... Все это так давно было. Не знаю. Просто парадоксальным образом этот мир меня не отпускает. То есть, нет-нет, а вспомню... Начинаю расспрашивать, знаешь, так, невзначай... интерес зрителя, не больше. Я бы не хотел снова там оказаться. Совсем не хотел. Да и зачем? Все эти люди очень странные – изломанное, манерное поведение. Смотреть на них интересно, как интересно ходить по кунсткамере, но жить среди них, – покачиваю головой и улыбаюсь.

Часы показывают без двадцати минут семь. Через десять минут наша встреча закончится.

– Не знаю, в чем тут дело, но мне кажется, – пристально вглядываюсь в шкаф, – мне кажется, пока я не разберусь с этими призраками, я не смогу писать. Понимаешь, во всем этом безумии было что-то настоящее... Как объяснить? Они могли быть очень странными, да, но при этом и очень настоящими. Эти люди на полном серьезе могли обсуждать, чьи стихи лучше: Котова или Бродского? Они спорили, приводили доводы, и это была не игра, совсем не игра! Они действительно чувствовали себя сопричастными бессмертной литературе. Они все как на подбор были гении, это могло раздражать, веселить, ты мог чувствовать себя среди них как в сумасшедшем доме, но в искренности им нельзя было отказать. В этом-то все дело, – довольный, я откидываюсь на спинку дивана.

– И какое отношение это все имеет к тебе? – спрашивает мой психотерапевт.

– Ко мне? – я вновь наклоняюсь вперед. – Ко мне... Наверное, именно это время кажется мне самым реальным. Кроме детства, конечно. Я плохо помню его, но оно наполнено смыслом. Все эти бестолковые разговоры и странные люди значат для меня больше, чем... ну, не знаю, сегодняшняя жизнь, что ли... Я хочу писать, я даже начал делать наброски... не знаю еще, насколько это все... Словом, я все время возвращаюсь к этой теме... Вспоминаю этих людей. Разговоры. Но, знаешь, так неясно. Какую-то тенистую улицу, какой-то кирпичный дом – я уже и не помню толком, что там было... Почему я к этому возвращаюсь?

Я замолкаю, молчит и замерший в ожидании психотерапевт.

– Хорошо, – наконец прерывает он молчание, – давай на сегодня закончим. Ты упомянул, что жизнь стала казаться менее настоящей, давай ты подумаешь на эту тему, хорошо?

Я киваю и тянусь за бумажником.

Он собирается и идет прогревать машину. Я прохожу по остальным помещениям, выключаю свет, компьютеры, закрываю офис.

Я здесь сейчас работаю.

Глава 5

Хабаровский институт психоанализа был примечателен тем, что не был похож ни на один институт Хабаровска. Он помещался в небольшом трехэтажном здании с несколькими крылечками, с башенками на крыше, здании старом, но оживленном стараниями реставраторов. Оранжевый солнечный кирпич весело смотрел сквозь многочисленные вывески, ибо, помимо института, в здании квартировали:

- клуб любителей экстремального спорта;
- страховая компания;
- похоронное бюро.

Всякий человек, преодолевший сопротивление двери, тут же оказывался проглоченным – дверь наглухо отрезала улицу. Вверху неясно маячил призрачный свет. Ворсистые ступени ежились под ногами, пока вошедший взбирался к свету. Сначала полоска его мигала, потом смещалась, появлялась еще одна, расширялась – и гость понимал, что свет заключен в стекло, а за стеклом фотография. Что на ней – не разглядеть.

Ступени поворачивали и поднимались на второй этаж. Ковер здесь внезапно обрывался. Из окна, затянутого снаружи каким-то баннером, выплывал клуб матового света и повисал в полумраке. Висели объявления, но прочитать, что на них написано, было сложно. Ступени вели дальше на третий этаж, где было светло и объявлений не было. На лестничной площадке стояло потертое кресло, в кресле сидел человек.

Это был молодой человек. Лицо его казалось не очень здоровым, хотя и не лишенным привлекательности. Был он светловолос, худощав, очень старался не нервничать и сидел, развалившись в кресле, но руки сжимали тонкую папку, и в глазах гнездилась тревога. Где-то открылась дверь, вывалив клубок голосов, закрылась – в коридоре защелкали каблучки. Молодой человек скосил глаза на возникшие туфли с бантами.

- Это вы на собеседование?
- Я...
- Идемте.

Вслед за прыгающей в ритме – тик-так! – чудесной попкой он проследовал к дальнему кабинету.

– Ирина Александровна, к вам пришли. – И, обдав духами, взглядом, движением, оставила его одного.

Он вошел, улыбаясь, как оказалось, окну, но выправился и развернул свое «здравствуйте» направо, где угадывалось основное пространство кабинета.

Сидевший за столом мужчина наклонил голову.

Женщина у стены, похожая на морскую корову, моргнула виноватыми глазами, но ничего не сказала.

И услышал позади:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Волосы, одетые в солнце. Такой он увидел ее.

– Евгений Васильевич, – представился между тем молодой человек. Он уселся не очень удобно – ноги упирались в стол. Ирина Александровна улыбнулась ему, и Евгений подумал, что она красива и очень молода, и это было некстати, и стало вдруг важным не выглядеть глупо. В кабинете было жарко. Он чувствовал, как намокли виски.

– А почему вы хотите работать у нас? – был ее первый вопрос.

Его слушали внимательно. Иногда ему казалось, что его слушает сидевший сзади мужчина, и женщина с виноватыми глазами, и кто-то неведомый в коридоре, хрустевший иногда кафельной плиткой. Иногда не оставалось ничего кроме внимательных глаз напротив. Эти

глаза то наклонялись понимающе к его словам, то немного шурились, то как будто смотрели сквозь него, и тогда Евгений запинался, но глаза снова глядели доброжелательно, и говорить становилось проще.

– Ну что ж, прекрасно. Остался тест. – Ирина Александровна поднялась, усадила Евгения за соседний столик, вручила ему ручку и листы бумаги и, пожелав удачи, вышла из кабинета. Евгений погрузился в работу.

Тест оказался неожиданно сложным, и потому он мало обращал внимания на то, что происходило вокруг. Довольно часто звонил телефон, тогда мужчина поднимал трубку и говорил: – Хабаровский институт психоанализа, здравствуйте, – или что-то в этом же роде.

Иногда телефон принимался звонить у женщины с виноватыми глазами. Она брала трубку не сразу, долго слушала и начинала оправдываться:

– Да вы что? М-м-м... А я и не знала...

Ее разочарованное «м-м-м» проникало в голову и гудело между висков. Приходилось встряхиваться и вновь вчитываться в тест.

А фирма «А» тем временем отгружала фирме «Б» партию товара на сумму двести тысяч рублей, включая НДС, и чуть позже выдавала заем, а бухгалтер отражал это на счетах учета, и нужно было решить, правильно он это делал или нет. И еще приходилось вспоминать Евгению размер ставки рефинансирования и размер вычетов по НДФЛ, а также когда переоценка основных средств идет на пользу фирме, а когда нет. Его спрашивали, какими налогами должна облагаться компенсация при увольнении и в какой момент следует признавать расходы по договору аренды и многое другое. Он не заметил, когда вернулась Ирина Александровна, и, закончив, минут пять не решался отдать ей листки. Поднял голову – она смотрела на него:

– Написали?

Ему ничего не осталось как кивнуть.

Лишившись листочков, Евгений с особым вниманием принялся оглядываться по сторонам. Он разглядывал вешалку, стоящую рядом с женщиной с виноватыми глазами. Разглядывал календарь с конной статуей, внушительный зад монитора, шкаф с папками напротив себя. На людей он не то чтобы не смотрел, а как-то оплывал их взглядом. В третий раз рассматривая вешалку, Евгений едва удержался от того, чтобы стиснуть руки, – нервничал он серьезно, но тут за матовым окном мелькнула черная тень и отвлекла внимание. Дверь распахнулась.

– Ирина Александровна, – сходу начала вошедшая, – вы не брали отчет по Тынде?

Ирина Александровна покачала головой и ответила немного торжественно:

– Галина Матвеевна, похоже, мы нашли наконец-то главного бухгалтера.

Они обе смотрели на него, и спустя какое-то время Евгений сообразил, что последняя реплика относилась, по-видимому, к нему.

– Что ж, поздравляю, – сказала Галина Матвеевна.

– Лучшие результаты по тестированию, – улыбалась Ирина Александровна.

– Вы уже обговорили условия?

– Нет, как раз собиралась напоить чаем Евгения...

– Васильевича, – подсказал Женя.

– Васильевича, и все обсудить. Пойдемте? – Она улыбнулась ему и пошла из кабинета.

Его согласие оказалось ненужным, и, следуя в ее кильватере по уже знакомому коридору, он испугался, что произошла путаница – он искал место обычного, но никак не главного бухгалтера. Они прошли коридор полностью – «Психофизиологическая лаборатория» значилось на последней двери – и оказались в небольшом помещении, где стоял маленький стол, три стула и микроволновка на тумбочке в углу.

– Здесь кухня, – пояснила Ирина Александровна и, кажется, прибавила что-то еще, но Евгений Васильевич не расслышал за грохотом отодвигаемого стула.

Она вытащила чашки, чайные пакетики, банку с кофе и вазочку с конфетами.

Расселись.

Ирина Александровна улыбнулась.

– У вас очень хорошие результаты. Лучшие из всех, что я видела, а мы уже месяц как пытаемся найти человека на эту позицию. Этот тест ведь и для главных бухгалтеров тоже, хотя вы, похоже, так высоко не метили.

Евгений растерянно кивнул.

– Ничего, у нас не слишком сложная деятельность. Вы справитесь, да и я, в случае чего, помогу. Институт расширяется. Работы становится больше, и у меня уже не получается совмещать позиции финансового директора и главного бухгалтера. Документооборот у нас не очень большой, но есть еще пять филиалов, и их нужно отслеживать. Словом, работы не слишком много, но она ответственная и хорошо оплачивается, – тут она сделала паузу. – Конечно, нужно зарекомендовать себя, но я не думаю, что с этим будут какие-то трудности. Кроме того, после полугода работы институт может выступить поручителем, если вдруг надумаете брать кредит. У вас ведь нет машины? – и, услышав его ответ, удовлетворенно кивнула. – Ну, вот видите. Захотите приобрести машину или еще что-нибудь, сможете безо всяких проблем оформить кредит. С банком у нас договоренность. Как раз сейчас, – заговорила тише Ирина Александровна, – мы раздумываем над тем, чтобы оплачивать сотрудникам добровольное медицинское страхование. Институт готов оказать посильную помощь... Пусть это пока проект, но, думаю, из тех, что скоро станут реальностью.

Она замолчала. Молчал и Евгений.

– Вам интересно мое предложение, Евгений Васильевич?

В этот момент в коридоре уже привычно и где-то совсем рядом отозвалась кафельная плитка. Приоткрылась дверь, и, словно по воздуху, всплыла невысокая женщина с шалью на плечах:

– Ирина Александровна, вас Галина Матвеевна разыскивает, – проговорила она, чуть заметно улыбаясь.

Секунду Ирина Александровна продолжала всматриваться в Евгения, затем негромко проговорила:

– Извините, я ненадолго. – И исчезла.

Женщина с шалью постояла еще и опустила голову напротив Евгения Васильевича.

– Здравствуйте, – сказал он несколько робко.

– Здравствуйте, – сказала женщина, и морщинки заплясали возле ее глаз. – Так это на вас столько надежд возлагают наши финансисты?

– Простите?

– Ирина Александровна не сказала? Странно... – женщина сплела пальцы. – Уже месяц, если не больше, у нас открыта вакансия, люди идут и идут, но, знаете ли, сложно подобрать хорошего специалиста. Ирина Александровна сбилась с ног искать... А вы хороший специалист?

– Я не знаю, – растерялся от такого вопроса Евгений Васильевич.

– Вы, по крайней мере, честно ответили сейчас. – Женщина продолжала пытливо вглядываться в Евгения Васильевича.

Возникла пауза.

– И что же? Вы примете предложение Ирины Александровны?

– Я... я подумаю, – тут Евгений Васильевич добавил в голос решимости. – Условия мне предложили хорошие. Наверное, соглашусь, – последнее он произнес с вызовом и, в свою очередь, посмотрел ей в лицо.

Она улыбалась, чуть заметно покачивая в знак согласия головой, как будто все, что говорил Евгений Васильевич, было ей очень симпатично.

Снова сгустилась тишина.

– Ну, а вы? Что бы вы мне посоветовали? – не выдержал наконец Евгений.
Женщина поправила на плечах шаль и вновь наклонилась к столу.

– Как вас зовут?

– Евгений... Васильевич, – сказал Евгений.

– А меня Ольга Константиновна, – она помолчала. – Евгений Васильевич, в институте я занимаюсь тем, что возглавляю психоаналитический центр. Мы не ограничиваемся только консультациями, мы проводим тренинги, предоставляем консалтинговые услуги среднему и крупному бизнесу. Словом, мы используем на практике все то, чему обучает институт.

Она откинулась на спинку стула и погрузилась:

– Знаете, Евгений Васильевич, мне всегда жалко тех психологов, которые не могут использовать свой потенциал. Они получили образование, но, что делать с ним, не знают: устраиваются в школы, к военным, в колонии строгого режима, всю жизнь получают копейки и не могут себя реализовать, – Ольга Константиновна покачала головой. – Наш центр – единственное учреждение в Хабаровске, где психология и психоанализ используются действительно эффективно. Да, да. Здесь мы лечим фобии, аллергии, наркотическую и алкогольную зависимости, не говоря уже об обычных неврозах. Мы помогаем людям в сложных ситуациях. У нас замечательные семейные психотерапевты. К нам приходят за советом бизнесмены. И мы всем помогаем. Знание того, как работает человеческая психика, – величайшая из тайн. Вы задумывались когда-нибудь над тем, сколь громадные возможности дает нам наш разум? Искусство управлять собой, своими эмоциями, целями, жизнью...

Ольга Константиновна оживилась, глаза засветились каким-то странным огнем:

– Не плыть по течению, не нести на своих плечах груз чужих проблем, а жить интересной, полноценной, захватывающей жизнью. Разве не этого мы хотим? Разве не к этому стремимся? Люди так уязвимы. Они бродят всю жизнь в потемках, смутно догадываясь, что где-то есть свет, но большинство его никогда не находит. Знание самого себя и есть этот свет. Мы даем людям возможность узнать себя – раскрыться, самореализоваться, начать дышать полной грудью. Это великое дело – быть психологом, и я рада, что принадлежу ему.

Она помолчала:

– Евгений Васильевич, центр, который я возглавляю, – краеугольный камень этого института. Без него институт стал бы просто еще одним заведением, готовящим невостребованных специалистов. Мы развиваемся, разрабатываем новые проекты, и мне очень не хватает человека, который мог бы дать им экономическое обоснование. Это ведь очень важно – в любой ситуации оставаться реалистом, точно знать, сколько мы тратим и сколько зарабатываем. Сейчас, к сожалению, мы плохо представляем себе это. Что вы думаете, Евгений Васильевич?

Евгений, с некоторым напряжением ожидавший, к чему она ведет, шевельнулся:

– Но Ирина Александровна...

– Да, Ирина Александровна, – морщинки прорезались резче, – Ирина Александровна завалит вас бумагами, папками и отчетами, я предлагаю вам совсем другое. Люди, которые работают в моем центре, отличаются от остальных. Они сами решают, какой будет их жизнь. Они не боятся смотреть в лицо реальности. Они имеют смелость жить так, как им хочется. Зачем человеку деньги, даже очень большие деньги, если он не в состоянии распорядиться собственной жизнью? – голос Ольги Константиновны зазвучал глуше. – Я могу дать вам то, чего Ирина Александровна дать вам не сможет, – власть над самим собой...

В третий раз протяжно вскрикнула плитка, и властно распахнулась дверь.

– А, вы здесь, Ольга Константиновна, – проговорила с порога Галина Матвеевна.

Отчего-то она показалась сейчас огромной Евгению, была ли виной тому высокая шапка волос, клубящихся надо лбом, или маленькое помещение кухни.

– Да мы как раз беседуем с Евгением Васильевичем.

– Я бы тоже хотела побеседовать с Евгением Васильевичем. Вы не возражаете, Ольга Константиновна?

– Нет, разумеется, Галина Матвеевна, – отвечала Ольга Константиновна, вставая. Произошел сложный обмен маневрами, в результате которого Галина Матвеевна заняла место Ольги Константиновны, а Ольга Константиновна выплыла с кухни.

– Гм, Евгений Васильевич, получилось, что Ольга Константиновна нас уже представила. Как вам у нас?

– Я, собственно...

– Вы же в первый раз?

– Да.

– Ну, успеете еще осмотреться. Экономист?

– Можно и так сказать, я работал бухгалтером.

– Очень хорошо. Нам как раз нужны люди, понимающие и в бухучете, и в экономике. Вы уже поговорили с Ириной Александровной?

– Да, мы беседовали...

– Она сказала вам, насколько для нас важен эффективный бухучет?

– Да, она...

– У нас уникальный институт. Во всей России психоанализ можно изучить только в Москве, Санкт-Петербурге и у нас. Понимаете, Евгений Васильевич, за Уралом только мы можем обучать психоанализу. Больше никто. И к нам едут. У нас читают профессора из Москвы, Санкт-Петербурга, Италии, Америки. Понимаете, какие здесь открываются возможности? Да и разве бы вы сами отказались пройти курс психоанализа?

– Я не знаю.

– Это очень интересно, поверьте. Ольга Константиновна как раз этим занимается. Как она вам, кстати?

– У нее центр, – ответил как-то невпопад Евгений.

– Да, лаборатория при институте. Это необходимо. Нужно проводить практикумы, студенты должны учиться консультировать. Наш институт уделяет практике первостепенное значение, в этом наше преимущество. Нельзя осваивать профессию двадцать первого века по книжкам. Вы согласны?

– Видите ли, какое дело, – заговорила Галина Матвеевна, вдруг наклонившись к Евгению, – именно сейчас перед нашим институтом открываются грандиозные возможности. Посмотрим, – она принялась загибать пальцы, – институт транспорта закрывает гуманитарное направление; в техническом университете кафедры психологии нет – психологию там читают социологи; остается один педагогический институт, но они слишком специализированы. Кто еще? Несколько десятков маленьких институтов, которые нам не конкуренты. И все. Психологию на Дальнем Востоке представляем только мы. Мы одни. Ну, еще Владивосток. Понимаете, Евгений Васильевич, как важно использовать сложившуюся ситуацию? Нам выпал шанс стать институтом номер один, центром психологической жизни за Уралом. Что бы вы стали делать, а? Скажите мне как экономист?

– Ну...

– Вы ведь знаете маркетинг?

– Изучал, но...

– Мне нужен человек, который бы провел широкомасштабную рекламную кампанию. Нас должны узнать. Куда идти учиться – в Хабаровский институт психоанализа. Это должно стать аксиомой. Слово «психология» и Хабаровский институт психоанализа должны отождествляться в сознании людей. До сих пор мы давали элитарное образование людям зрелым, испытывающим потребность в личностном росте и уже имеющим одно высшее образование. Сейчас мы выходим на новый уровень. Мы открываем филиалы. В Тынде, Благовещенске,

Биробиджане, Свободном только мы даем высшее психологическое образование. Теперь надо брать под свое крыло и хабаровчан. Надо брать в оборот Комсомольск, Магадан, Южно-Сахалинск. Понимаете, Евгений Васильевич? Нам нужен экономист, который разработал бы план, стратегию, вывел бы институт на новый уровень. Нам нужен рост! Вы согласны? Нужно объединить всех, кто хочет изучать психологию, под эгидой нашего института. Владивосток, пед-институт должны отойти на второй план. Мы должны возглавить психологическое движение и, надеюсь, сделаем это с вашей помощью, Евгений Васильевич.

– Но Ирина Александровна...

– Ирина Александровна смотрит на вещи недостаточно широко. Ей важна в первую очередь бухгалтерия. Бумаги, конечно, нужное дело. Но еще важнее двигаться вперед. Объединить весь Дальний Восток, стать сосредоточием психологической жизни – вот наша главная цель. Аббревиатура ХИП должна стать брендом. И потом вы могли бы совмещать, Евгений Васильевич. Тут – одно, там – другое. Ведь редчайшая возможность – возглавить такое масштабное начинание. Другой не представится, и будете жалеть.

Тут из сотового телефона, который все это время держала в руке Галина Матвеевна, хлынула мелодия.

– Вы подумайте над моим предложением, Евгений Васильевич. И приходите завтра. Вам удобно? Приходите завтра, – она откинула крышку. – Слушаю.

Евгений нерешительно гладил свою папку.

– Здравствуйте, здравствуйте, Егор Семенович, конечно, я не забыла про вас, – удивленный взгляд на Евгения, – нет, нет, что вы.

– А Ирина Александровна... – начал было тот.

– Ирина Александровна уехала. Завтра... Нет, не вам, Егор Семенович. Да, подъеду через час, конечно, – неслось Евгению вслед, пока он спускался по лестнице, прижимая к груди бесполезную папку.

Глава 6

Андрей проживал недалеко от вокзала. Окна его квартиры, расположенной на первом этаже, выходили на дорогу, и, сидя на диване, можно было наблюдать крыши автобусов, проходивших над подоконником, и дальше плотную завесу высоковольтных проводов.

Мы были молоды, мечтали об успехе и славе, и все, все подтверждало эти мечты – небо, голубыми пятнами засевшее в верхних этажах дома напротив, мокрые гудки и сама весна. Свежий воздух врывается в форточку, и, обернувшись, я видел, как зыбится в прозрачном воздухе оконная рама.

Рядом с нами стояли кружки с чаем, стояла в родимых пятнах курага. На доске под натиском Андреевых пешек извивался сицилианский дракон – напряжение нарастало.

– ...И вот после твоей смерти, а может, и при жизни, что еще ужаснее, – рассуждал Андрей, – снимут фильм. Закадровый голос, исполненный печальных раздумий, сообщит, что Михаил Александрович Романов родился в городе Хабаровске в одна тысяча девятьсот восьмидесятом году. Далее, независимо от существующих на тот момент технологий, полетится что-нибудь классическое, и дрянного качества фотография заполнит экран – на ней мальчик в шубе и с санками. У тебя были шуба и санки? Ну конечно... Потом камера или что к тому времени изобретут приблизит твое лицо, чтобы зритель взгляделся получше в этого мальчика, отыскивая признаки будущей гениальности... А закадровый голос будет адресовать безответные вопросы: «Думала ли его мать, что спустя четверть века ее сын станет известным писателем, что имя Михаил Романов... ну и так далее».

Тут я с особенным удовольствием съел Андрееву пешку.

– Покажут твоих родных и знакомых, которые с наслаждением пустятся в воспоминания. Какая-нибудь твоя сокурсница, отличающаяся отменным долголетием и памятью, сообщит зрителям, что ты был необычным человеком и все давалось тебе легко. «Конечно, мы не подозревали тогда, что он станет знаменитым писателем, но он отличался от всех. Да, да, он был не такой, как мы», – конец цитаты. Тут снова мелодичные переливы заполнят динамики, и голос еще более печальный и умудренный, чем раньше, начнет повествовать об одиночестве и таланте. Видеоряд: аллея, занесенная осенними листьями, наискось бьющее через объектив солнце. К сожалению, ты не пишешь стихи, было бы хорошо их тут гнусаво зачитать. Впрочем, можно зачитать и чужие – лишь бы гнусаво.

Андрей замолчал и какое-то время глядел на доску.

– И?

Андрей сделал ход.

– И если ты успеешь прославиться еще при жизни, а сейчас это все проще, то покажут интервью с тобой. Это будет стандартное-интервью-с-писателем, то есть тебя будут спрашивать про творчество, про отношение к культуре вообще, может быть про мировоззрение и религию. Никаких вопросов про личную жизнь, никаких вопросов в духе «нравятся ли вам гребешки в белом соусе?». Ничего подобного. Образцовым интервью получится, если зритель начнет воспринимать тебя просто как еще одного участника передачи о Михаиле Романове. В этом смысле для авторов передачи будет намного спокойнее, если ты вообще не станешь давать интервью, а если к этому времени еще и умрешь, будет идеально. Что еще? Хорошим тоном считается заканчивать такие передачи словами про трудную и необычную судьбу и про то, насколько богаче и полнее стала жизнь всего просвещенного человечества благодаря твоим книгам. Покажут твою ухоженную могилку и обязательно свежие цветы – чтят, помнят, и ведущий, понури голову, воскликнет: «А думал ли он тогда, думал ли этот пятилетний мальчик – знакомая фотография в шубе и с санками на экране, – что ему суждено будет стать знаменитым писателем и бла-бла-бла и бла-бла-бла». Итак, вопросы, обращенные раньше к человечеству,

обернулись к самому писателю. Круг замкнулся. Подо что-нибудь щемяще-раздумчивое начинают ползти долгие-долгие титры. В самом конце – по заказу Министерства культуры Российской Федерации. Ну, как?

– Почти прослезился, – я улыбнулся, но почему-то стало зябко. – А можно еще чаю?

И пока он ходил за чаем, я лихорадочно придумывал ответную историю

«Господи, ну что интересного можно выдумать про бухгалтера?» – вглядываясь в причудливое смешение фигур на доске, я прислушивался, как гремит на кухне посуда. Мысли путались в голове отчаянно. Раздались шаги – Андрей возвращался.

– Твоя биография преподнесет тебе сюрпризы, – начал я, не отрывая глаз от золотистого ободка на кружке. – Знаешь, тебя очень будут раздражать все эти исследователи... Ведь они... Словом, тут вот какое дело. Ты закончишь с отличием университет, собрав попутно все стипендии и грамоты. Останешься на кафедре. Поступишь в аспирантуру. Необыкновенно рано защитишься. Напишешь несколько работ, которые будут отмечены ведущими специалистами в твоей области, а это к тому времени будет какая-нибудь экономическая теория или что-нибудь в этом роде. Это вызовет бурную зависть коллег, но тебя возьмет под личную опеку академик Дубровский... Яков Александрович, – прибавил я для пушей убедительности. – В результате ты начнешь писать свой фундаментальный труд и защитишь на его основе докторскую. Переедешь в Москву. Женишься. Создашь свою школу экономики. Станешь так же знаменит, как Кейнс, Смит или Фридмен. Совершишь ошибку, став советником президента по экономике, но быстро поймешь, что это не твое, и оставишь политику, не успев изгадить себе репутацию. Твои открытия изменят современные представления об экономических процессах. Тебя будут звать во все университеты мира и на все конгрессы. Ты напишешь множество великолепных работ и проживешь жизнь нормального великого ученого, но будет одно но...

Дело в том, что к тому времени поспеет целая серия книг про хабаровскую литературу, в том числе и про Михаила Романова, а так как ты был близок со всей этой братией, твое имя постоянно будут к месту и не к месту поминать. Хуже того, иной исследователь, продравшись сквозь рой экономических формул, обязательно обнаружит точки соприкосновения мысли экономической и литературной. Ты будешь мерещиться литературоведам в выведенных героях. Каждый Андрей, заглянувший невзначай на страницу, станет твоим двойником. Твою жизнь растащат на кусочки. Упоминание в дневниках, письмах – одна наша с тобой электронная переписка чего стоит...

– Уничтожу!

– Но у меня-то сохранится.

Мрачайший взгляд был послан мне в ответ, и я сбился.

– Так вот... М-да, малейший твой жест, слово – все будет истолковано неукротимыми исследователями. За тобой начнут ходить. К тебе начнут приставать с интервью. Их не будут интересовать твои достижения, нет, их будут интересовать исключительно твои воспоминания о людях, которых ты совершенно не помнишь. Видишь ли, им будут любопытны детали, мелочи, взгляд со стороны – недостающие кусочки пазла. Сначала это будет тебе казаться забавным, этаким недоразумением, которое скоро должно разрешиться. Но время будет идти, а интересующихся будет становиться все больше и больше. Вот уже и твои коллеги, доктора наук и академики, с любопытством поглядывая на тебя сквозь очки, начнут спрашивать: «Андрей Евгеньевич, так что же вы молчали, что были знакомы с Дорошевичем и Романовым?» И твоя жизнь распадется на две. Первая – та, которую ты считал истинной, жизнь ученого, совершившего множество важнейших и полезнейших открытий. Жизнь, которая, как оказывается теперь, никому не интересна. И вторая – жизнь человека, наблюдавшего рассвет молодой хабаровской литературы. Казалось бы, ничем не выдающаяся жизнь, но сама сопричастность этим событиям наполнит ее смыслом и значением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.